

ПОЛЯРИЗОВАННАЯ АМЕРИКА

Печатнов В.О.

В статье анализируется феномен поляризации современной партийно-политической жизни США: на базе новейших политологических исследований, данных опросов общественного мнения и электоральной статистики рассматриваются ее причины, проявления и последствия. В заключение делается вывод о том, что, несмотря на попытки администрации Б. Обамы преодолеть крайности поляризации, она остается устойчивой характеристикой функционирования американской политической системы.

Поляризация партийно-политической жизни – одна из главных тем современных дебатов американских политологов о нынешнем состоянии и перспективах политического развития США. Ей посвящаются научные конференции, многочисленные статьи и монографии, среди которых выделяется капитальный двухтомный труд видных американских экспертов под названием «Красная и синяя нация?», вышедший под двойной эгидой ведущих (и обычно соперничающих) мозговых центров страны – Брукингского и Гуверовского институтов¹. Дискуссии идут о степени этой поляризации, ее причинах и последствиях, а также о предлагаемых мерах по минимизации негативных проявлений этого феномена. В нашей научной литературе эта проблематика пока не получила должного отражения. В данной статье предпринимается попытка хотя бы отчасти восполнить этот пробел путем первичного обобщения имеющихся концепций и накопленного эмпирического материала.

Начнем с самого понятия поляризации, которое, на наш взгляд, включает в себя два основных параметра – глубина (интенсивность) идейно-политического размежевания и примерное равенство (сопоставимость) противоборствующих сторон. В политической истории США эти параметры чаще всего существовали порознь. Интенсивная партийно-политическая борьба проходила при явном преимуществе одной из сторон (как, например, на критических выборах 1896, 1936 или 1964 гг.), или же равновесие политических сил сопровождалось

относительным затишьем межпартийного соперничества, как во время знаменитой «эры добрых чувств» рубежа 1810-х—1820-х гг. Единственным серьезным исключением из этого правила и ярким примером настоящей поляризации была Гражданская война. Сейчас, как мы увидим, налицо оба этих условия, и хотя до новой гражданской войны еще далеко, «эра недобрых чувств», судя по многим показателям, уже наступила.

Симптомы поляризации

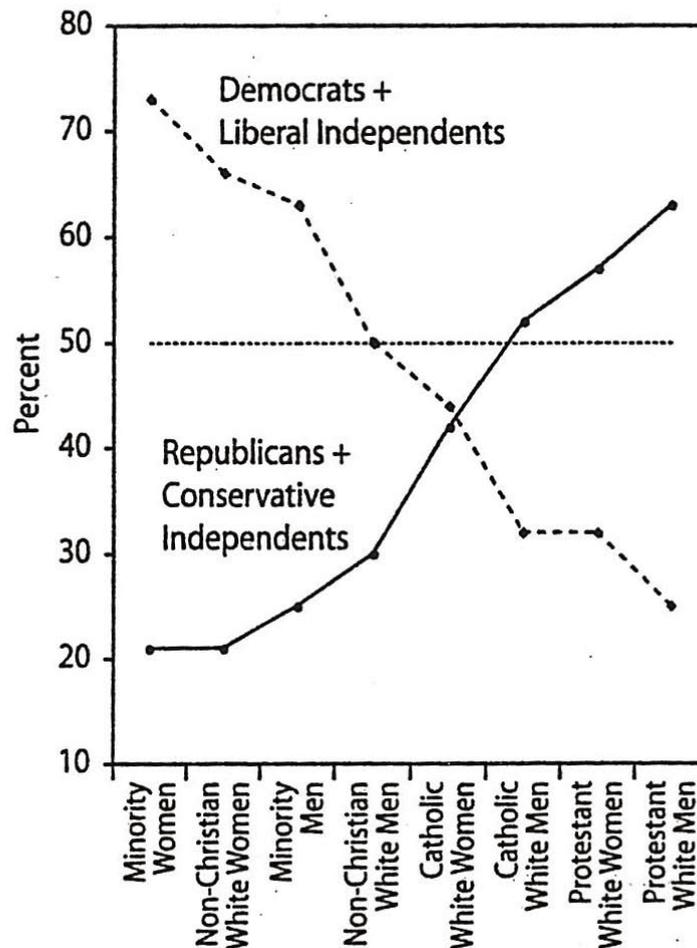
Анализ итогов американских выборов всех уровней, начиная с 1980-х гг., показывает, что в стране сложились две примерно равновеликие партийно-электоральные коалиции, которые по ряду ключевых характеристик существенно отличаются друг от друга. Это, прежде всего, касается их социального состава – расово-этнической, гендерной, конфессиональной принадлежности, степени религиозности и урбанизации (большие города, ближние и дальние пригороды, сельская местность) и других социально-демографических признаков. Характерно, что эти различия на протяжении последних 25—30 лет постоянно углубляются.

Не удивительно, что эти две коалиции разделяют серьезные идейно-политические различия. Демократам свойственен социально-культурный и экономический либерализм, ориентация на помощь государства в решении социальных проблем. Для республиканцев типичен социально-культурный консерватизм и антиэтатизм. Иными словами, важный водораздел проходит между нуждающимися в повышенной социальной защите со

стороны государства и теми, кто тяготеет к государственной опеке. В последние годы эти различия впервые распространяются на сферу внешней политики и национальной безопасности. Война в Ираке, борьба с международным терроризмом, роль военной силы и дипломатии, глобальные проблемы, способы осуществления американского лидерства в мире – эти и другие вопросы стали полем острых межпартийных разногласий. Демократы отдают предпочтение «мягкой мощи» и коллективным международным усилиям, подчеркивают приоритетность глобальных проблем, тогда как республиканцы выступают с гораздо более националистических, военно-силовых и унитаристских позиций. Разумеется, разногласия по внешнеполитическим вопросам – вплоть до поляризации взглядов – существовали

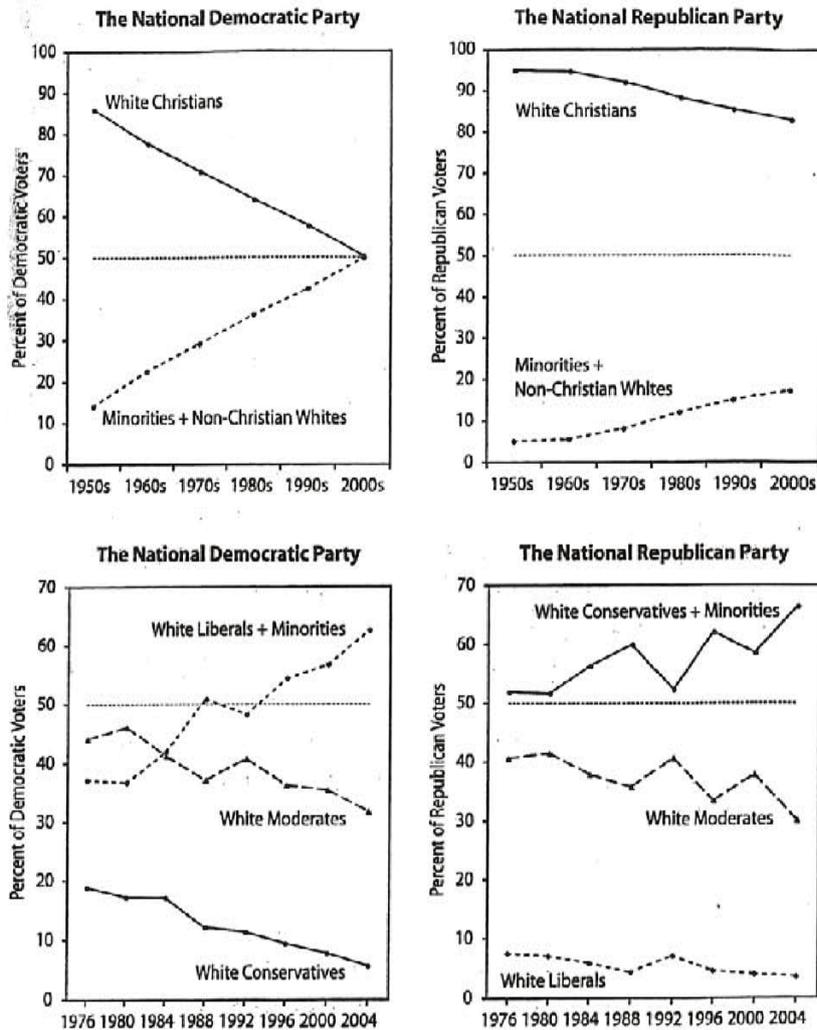
и раньше, но еще никогда они в такой мере не коррелировались с партийной принадлежностью. По войне в Ираке, например, разрыв между позициями республиканцев и демократов (по вопросу «ошибка или правильная акция?») составляет около 60 пунктов по сравнению с 5 пунктами в случае с войной во Вьетнаме²; примерно с таким же разрывом демократы отдают предпочтение дипломатии как главному инструменту внешней политики по сравнению с военной силой. Вдвое большая доля республиканцев, чем демократов, считает американскую мощь «силой добра» в мире, зато в таком же соотношении демократы по сравнению с республиканцами согласны с тем, что США должны в первую голову думать о своих внутренних проблемах³.

**The American Divide:
Party Bases in 2004**



E. Black and M. Black. Divided America. P. 257.

Transformation of the National Parties

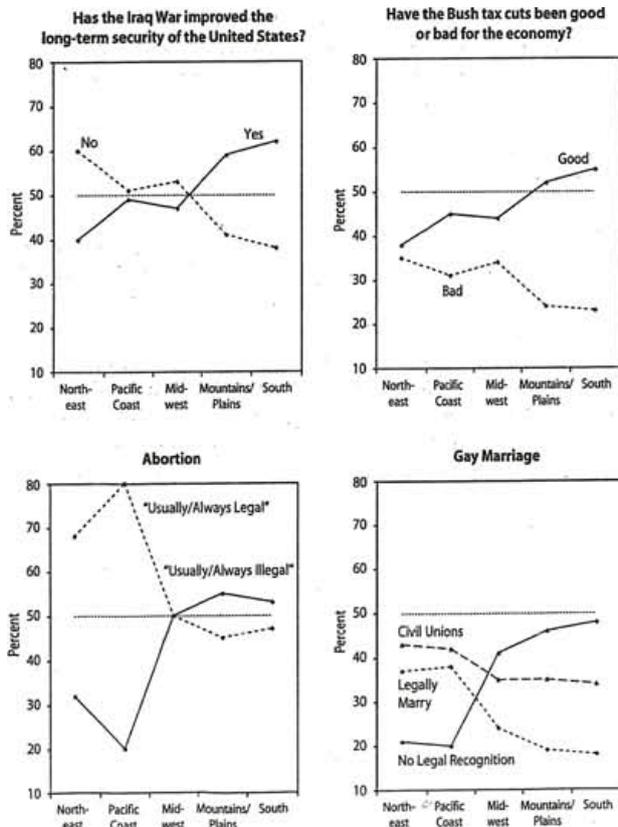


E. Black and M. Black. *Divided America*. P. 246.

Вдобавок ко всему это идейное размежевание между сторонниками обеих партий приобрело и четкие географические очертания – возник новый американский политический регионализм: про-республиканские Юг, Скалистые горы и Великие равнины против про-демократического Северо-Востока, Северо-Атлантического и Тихоокеанского побережий. Красноречивое представление об этой региональной дифференциации взглядов по ключевым политическим вопросам дает следующий график.

При этом ни одна из сторон не имеет явного преимущества и для победы нуждается в «дове-ске» либо на Среднем Западе – единственном спорном регионе, либо за счет временных вторжений на территорию противника. Это все больше касается не только президентского, но и парламентского уровня межпартийной борьбы.

Своя «спорная территория» существует и в социально-демографическом разрезе – это католики, замужние женщины, высоко образованные мужчины, неюнионизированная часть «синих воротничков» и некоторые другие электоральные группы. В целом, подводит итог авторитетный американский политолог Г. Джекобсон, республиканская коалиция является «диспропорционально мужской, семейной и зажиточной, опирающейся на сельских жителей Юга, Великих долин и горного Запада, отличающихся повышенной привязанностью к огнестрельному оружию и религиозному консерватизму. Электорат демократов непропорционально женский, несемейный, невооруженный, небогатый, секуляризованный, цветной, проживающий в основном на Северо-Востоке или Западном побережье»⁴. Хотя эта характеристика относилась к итогам выборов в Конгресс 2000 года,

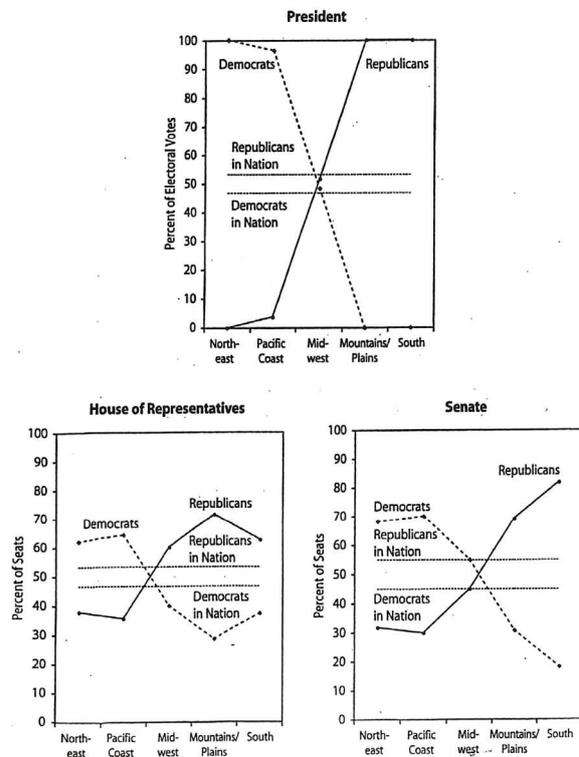


E. Black and M. Black. *Divided America*. P. 50.

она вполне может быть распространена и на последующие годы⁵.

Этот красно-синий водораздел, разумеется, весьма условен и существует в виде тенденции: скорее можно говорить о «розовых» и «голубых» штатах. Но при этом большинство «розовых» штатов краснеет, а большинство «голубых» синее. Так, например, доля так называемых «landslide counties» (т.е. графств, где победитель на выборах получает более 60% голосов) в 1996 г. составляла 38%, в 2000 г. – 55%, а в 2004 г. – 60%. В целом углубление этого идейно-политического размежевания между партиями лишь отчасти может быть объяснено изменением общего «идеологического баланса» населения – незначительным (с 50% до 45%) сокращением доли умеренных по сравнению с 1970–1980 гг., т.е. «сжиганием центра» при расширении либерального и (особенно) консервативного «полюсов». Гораздо более существенным представляется рост корреляции между партийной идентификацией и идеологическими предпочтениями американцев, которая по данным исследовательской службы National Election Studies за последние тридцать лет возросла почти вдвое (с 0,32 до 0,63). Иными словами, происходит идеологизация партий: Демократическая становится все более либеральной, а Республиканская – все более консервативной, причем

Regional Outcomes for President, House, and Senate in 2004



E. Black and M. Black. *Divided America*. P. 248.

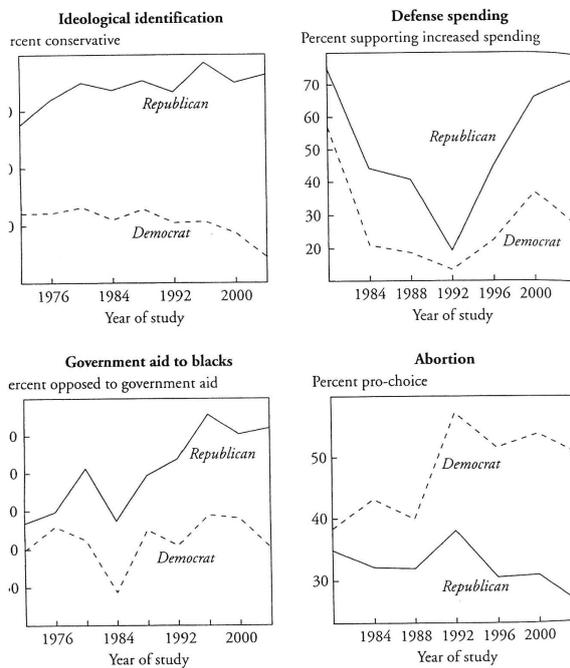
уровень этой поляризации напрямую связан с уровнем политической активности избирателей.

Растущая «чистота рядов» распространяется и на партийные фракции Конгресса: либеральные республиканцы стали в них такой же редкостью, как и консервативные демократы, которые вплоть до начала 1970-х гг. были к тому же более консервативными, чем либеральные республиканцы.

Важным механизмом этой поляризации стал процесс т.н. «сортировки» (sorting) или перераспределения избирателей, в ходе которого либерально настроенные американцы все больше притягиваются к Демократической партии, а консерваторы – к Республиканской. На примере белых избирателей этот процесс просматривается особенно отчетливо.

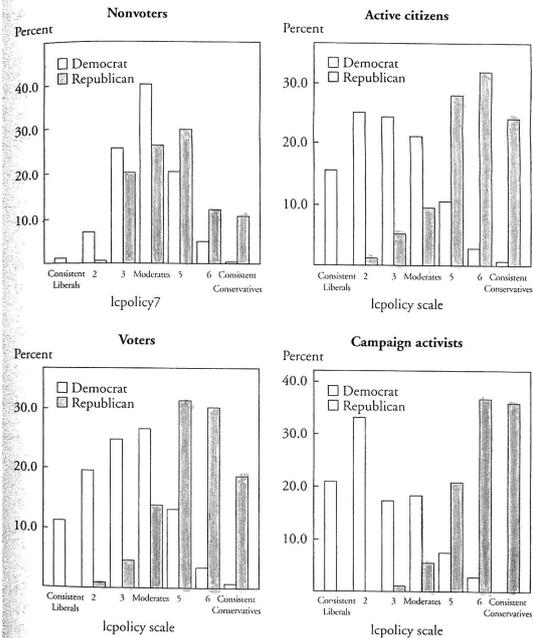
Подобное перераспределение протекает не только в виртуальном пространстве голосования, но и в реальном географическом пространстве – при всех прочих равных условиях люди предпочитают перемещаться в политически комфортную для себя среду, что с учетом высокой мобильности американцев не так уж трудно сделать. В результате происходит «сортировка» избирателей по регионам преимущественного влияния той или иной партии и по шкале урбанизации (чем выше ее уровень, тем больше там сторонников демократов).

Trends in Partisan Polarization on Various Issues^a



Source: Calculated from the National Election Studies cumulative data file.
a. Based on all voters identifying with or leaning toward a party.

Partisan Polarization by Level of Political Engagement, 2004^a



Source: Calculated from the National Election Studies cumulative data file.
a. The scale is based on ideological self-identification, abortion, government aid to blacks, jobs and living standards, health insurance, gay marriage, death penalty, government spending vs. services, defense spending, and diplomacy vs. military force.

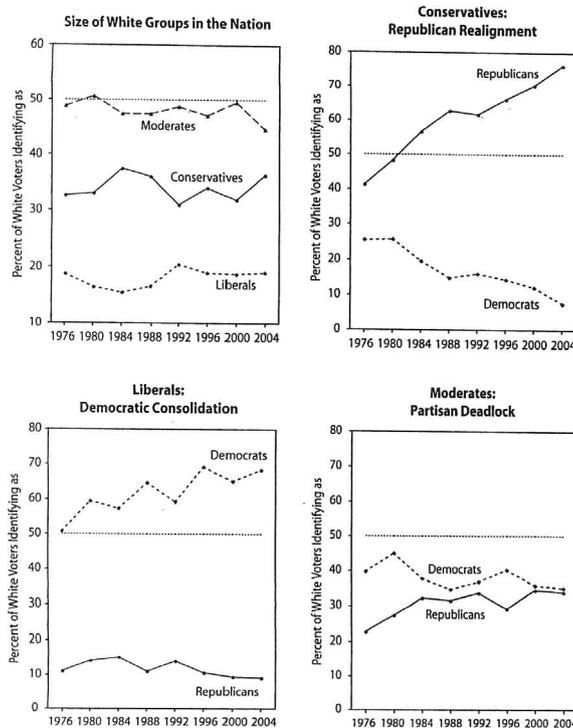
Red and Blue Nation? P. Nivola and D. Brady, editors. Vol. 1. P. 82—83.

Растущая партийная анклавность расселения в сочетании с новыми возможностями сбора и обработки демографической информации придает новое дыхание старому искусству перекройки границ избирательных округов с целью максимизации в них доли сторонников своей партии (gerrymandering). Размножение таких по сути однопартийных избирательных округов (согласно подсчетам лишь в 10% избирательных округов существует реальная конкуренция в борьбе за власть) ведет к умножению уже упомянутых landslide counties и росту партийной последовательности в голосовании за кандидатов всех уровней — от президента до шерифа. В свою очередь, ослабление межпартийной конкуренции в таких округах подрывает позиции более умеренных и независимых кандидатов, давая фору активным демократам и республиканцам. В итоге сокращается т.н. «раздельное голосование» (ticket split voting), при котором избиратели одновременно голосуют за представителей разных партий (демократа в президенты, республиканца в Конгресс и т.д.). Доля избирательных округов, где большинство голосует за кандидатов от разных партий, сократилось со 100 в 1992—1996 гг. до 86 в 2000 г.

и до 59 в 2004 г. (от их общего числа 435). В целом по стране уровень «раздельного голосования» снизился с 26% в 1972—1992 гг. до 18% в 1992—2004 гг. Обратной стороной этого процесса является рост партийной лояльности избирателей при голосовании на выборах президента и членов Конгресса: в 2000—2008 гг. от 90 до 92% избирателей голосуют на них в строгом соответствии со своей партийной принадлежностью⁶.

Четверть века назад многие исследователи, включая автора этих строк, основываясь на материале 1960—1970-х гг., писали об упадке американских политических партий⁷. С тех пор произошел разворот тогдашних тенденций в прямо противоположном направлении — возросла роль партий как регуляторов электорального поведения, усилилось альтернативное начало в рамках двухпартийной системы. Об этом говорит рост партийной дисциплины при голосовании в Конгрессе (в т.ч. — рост т.н. партийного голосования, при котором большинство фракции демократов голосует против большинства республиканцев), увеличение доли твердых сторонников обеих партий (strong identifiers) с четверти всего электората в 1972—1980-х гг. до одной трети в 1994—2004 гг. К настоящему времени три

White Voters: Ideology and Party



E. Black and M. Black. *Divided America*. P. 14.

четверти избирателей усматривают серьезные различия между двумя партиями. Размежевание партий усиливает интерес к политике, придавая новый смысл самому акту голосования. Не случайно впервые с 1960 г. растет явка на президентских выборах – 59% в 2004 г. и 61% в 2008 г.

В связи с феноменом поляризации встает вопрос о роли партийных элит и рядовых избирателей в этом процессе. Конкретные социологические исследования показывают, что партийные элиты более политизированы, идеологизированы и, соответственно, более поляризованы, чем простые избиратели. Поэтому многие исследователи считают, что главный импульс к поляризации исходит сверху – элиты ставят избирателей перед контрастным выбором, заставляя их поневоле принимать ту или иную сторону. Тем самым создается утрированная картина поляризации, хотя реальные низовые настроения отличаются большей умеренностью и просто не находят себе выхода⁸. Думается, что подобная трактовка несколько упрощает ситуацию. Конечно, партийные элиты через СМИ и экспертное сообщество транслируют свои взгляды и позиции на массовую аудиторию в борьбе за голоса, что влияет на поведение избирателей. Они лучше видят различия между позициями

партий и выбирают более созвучные себе, тем более, что восприимчивость электоральной аудитории к идеологически ориентированным призывам растет вместе с ростом уровня образования и информированности. Но все-таки эти призывы, дабы не повиснуть в воздухе, должны быть созвучны общественным настроениям, резонировать им. Да и сами партийные элиты подлаживаются под существующие настроения, внимательно изучают «спрос» и стараются его удовлетворить, или, по крайней мере, – учитывать при манипуляции общественным мнением. А массовый спрос на поляризованную политику все же существует⁹, хотя он и подстегивается предложением политических «товаров», как и в реальной рыночной экономике.

О причинах поляризации

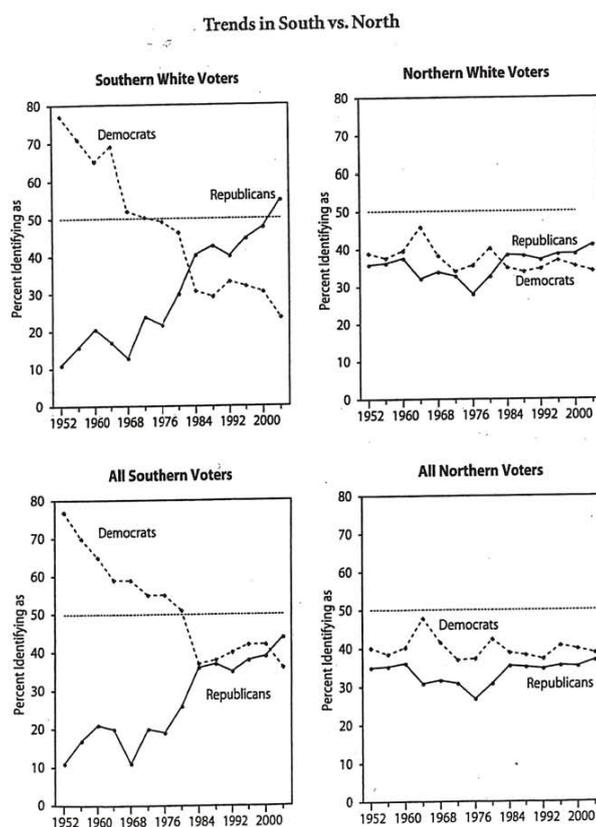
В американском экспертном сообществе идут большие споры, и это не удивительно, ибо здесь перед нами сложный комплекс весьма разнообразных факторов. Начнем с причин исторического порядка.

Завершение партийной перегруппировки «нового курса». Основы современной конфигурации двухпартийной системы сложились в 1930–1940-х гг. на почве либерально-консервативного размежевания по вопросу о социально-экономической

Научные школы МГИМО

роли государства. Эта перегруппировка охватила все регионы страны, кроме Юга, который в силу исторической лояльности демократам оставался фактически однопартийным и преимущественно консервативным. Эта лояльность сохранялась до тех пор, пока национальное руководство Демократической партии позволяло белому Югу сохранять свои сегрегационистские порядки. Данная ситуация стала радикально меняться с середины

1960-х гг., когда под давлением движения за гражданские права демократы стали партией не только социально-экономического, но и расового либерализма. Это привело к т.н. «второй Реконструкции» на Юге – краху однопартийного «твердого Юга», который превратился сначала в зону межпартийного соперничества, а затем – и явно-го преобладания республиканцев.



E. Black and M. Black. Divided America. P. 37.

Эта трансформация Юга сделала Демократическую партию более однородно-либеральной, а Республиканскую – более однородно-консервативной и тем самым немало способствовала их нынешнему размежеванию²⁰.

Наследие 1960–1970-х годов. Социальные движения и потрясения тех лет – движение за гражданские права, молодежный антивоенный протест, феминистское движение, ответный подъем «новых правых» и религиозного фундаментализма – изменили политическую повестку дня Америки, выдвинув на первый план социально-культурные вопросы: расово-этнического и гендерного равноправия, сексуальной свободы, образа жизни, места и роли религии и др. В отличие от старых проблем и связанных с ними размежеваний (на почве

социально-экономического статуса и распределения ресурсов) эти проблемы гораздо теснее связаны с моралью и мировоззрением и потому намного труднее поддаются компромиссным решениям. В основе многих из них лежит поляризующий конфликт между пост-модернистскими и традиционными моральными ценностями. Позиции ведущих политических партий по этой новой повестке дня постепенно расходились: Демократическая партия как главный «амортизатор» этих протестных групп становилась партией социально-культурного либерализма, а Республиканская – партией морального охранительства²¹. Не случайно уровень набожности стал одним из главных факторов партийной приверженности и электоральных предпочтений избирателей.

Годы правления правых консерваторов – Р. Рейгана и Дж. Буша-мл., которые продвигали консервативные варианты решения этих проблем, усугубили это размежевание. Социально-культурный консерватизм, отождествление с традиционными моральными ценностями американского среднего класса придали новое дыхание республиканцам, расширив их электоральную базу за счет «Мэйн-стрит» и уравнивая их шансы в борьбе с демократами. Правление У. Клинтона, который в своей реальной политике был скорее центристом, но своим поведением и обликом олицетворял контркультуру 1960-х гг., не смогло пресечь эту поляризацию. Для «красной» половины страны чета Клинтон был такой же ненавистной как впоследствии Дж. Буш-мл. – для «синей» Америки; в то же время оба президента сохраняли приверженность своих лоялистов. Не случайно к 2004 г. т.н. «разрыв в одобрении» Дж. Буша-мл. (т.е. разница в оценке его деятельности приверженцами демократов и республиканцев), не превышавший вплоть до 1980-х гг. 40–45 пунктов, превысил 70 пунктов³².

Еще одним фактором исторического порядка стал конец холодной войны, который ослабил двухпартийный консенсус по вопросам внешней политики и дал большой простор для идейно-политических размежеваний в этой сфере.

Следующий фактор поляризации имеет скорее структурный, политико-системный характер. Дело в том, что сложившийся примерный паритет соперничающих партийно-политических сил повышает ставки в межпартийной борьбе, придавая ей более ожесточенный характер. Одно дело – ситуация устойчивого преобладания одной из партий, когда исход этой борьбы более или менее предсказуем и речь идет о маргинальных приращениях и потерях. Совсем другое – ситуация равновесия сил, при которой каждые два года на кону оказывается контроль над Конгрессом, а каждые четыре – контроль над Белым домом, когда исход борьбы крайне непредсказуем и может быть решен мизерным перевесом (как во Флориде на выборах 2000 г.). Такая ситуация отнюдь не способствует межпартийным компромиссам и долговременному сотрудничеству правящей партии с оппозицией.

Еще один фактор партийно-политической поляризации связан с новой ролью и характером СМИ, прежде всего – с размножением каналов и источников информации, переходом к целевому воздействию на строго определенную аудиторию. До 1970-х—начала 1980-х гг. в медиапространстве США господствовали три больших телеканала, несколько общенациональных газет и

журналов, которые в борьбе за национальный рынок искали своего рода идеологическое «наименьшее общее кратное» для всей страны и тем самым служили объединяющим началом. Теперь эту гегемонию «больших СМИ» сменила какофония множества голосов, которая работает не на консенсус и сплочение, а на дифференциацию и разногласия. Тем более, что новые информационные технологии (прежде всего Интернет) дали голос таким маргинальным радикалам всех мастей, которых раньше просто не было слышно. Кроме того, новые ИТ дают возможность «микронацеливания» на узкие группы избирателей, подобранные по демографическим и идеологическим характеристикам, партийной ориентации, уровню доходов, интересам и т.д. в целях их политической мобилизации. В этом политическом маркетинге впереди идут республиканцы, тогда как демократы сильнее в Интернете и особенно в «блогосфере», которые используются для сбора мелких финансовых пожертвований и налаживания связей между либеральной элитой и партийными активистами.

К этому следует добавить последствия дерегулирования радио- и телевидения в 1980-х гг., которое привело к отказу от сбалансированной подачи новостей, от обязательного выделения части эфирного времени на общественную информацию. Это способствовало росту партийно-политической ангажированности радио- и телеиндустрии, постепенному сдвигу в их работе с информации на агитацию – зачастую в очень жесткой, агрессивной форме. Это особенно касается правого фланга – телеканала Фокс-ньюс и разнужданных радио ток-шоу в стиле Раша Лимбо.

Чтобы объективно оценить масштаб нынешней поляризации, необходимо поставить ее в сравнительно-исторический контекст. История США, при всем ее благополучно-эволюционном характере, знает немало глубоких, подчас эпических противостояний: сторонники и противники рабства в годы Гражданской войны, фермерский протест против засилья финансово-промышленной олигархии в период популистского движения, труд против капитала в годы «нового курса», потрясения и расколы 1960-х гг. Да и нынешний накал межпартийных обвинений и поношений, столь удручающий современных политических обозревателей, имеет свои прецеденты в прошлом, когда действующие президенты и кандидаты на этот пост обвинялись в алкоголизме, полигамии и даже серийных убийствах. Тем не менее, сегодняшний уровень политической поляризации при всей его относительности весьма высок и имеет серьезные политические последствия.

Научные школы МГИМО

Последствия

Изменение динамики партийно-политического развития. Большая часть американской партийно-политической истории представляла собой чередование периодов правления коалиций большинства, доминирования одной из ведущих партий, которой удавалось «оседлать» политическую повестку дня того или иного периода, найти подходы к решению тогдашних проблем и привлечь на свою сторону большинство избирателей. На этой основе складывались не только устойчивые электоральные коалиции на массовом уровне, но и специфические конфигурации на уровне элит, которые в совокупности образовывали правящие коалиции большинства. Сейчас – при отсутствии такого устойчивого большинства в условиях поляризации – раскол не только электорат, но и сама политическая элита. Старая либерально-демократическая элита, сформировавшаяся на основе «нового курса», начала приходить в упадок с конца 1960-х гг.; ее потеснила консервативная контрэлита, сложившаяся на гребне правой волны 1970–1980-х гг.³³ Потеснила, но не вытеснила: борьба внутри политического класса продолжается, в ней появляются новые водоразделы, в том числе и внутри госаппарата – демократы опираются на социальное государство, а республиканцы – на силовые государственные ведомства. Противоборствующие силы примерно равны и хотя правоцентристская коалиция имеет преимущество в организационно-финансовых ресурсах³⁴, ее ошибки и эксцессы дают шанс соперникам, как это произошло в 2008 году. В целом, поляризация способствует тому, что длительные периоды устойчивого преобладания одной из партий сменились частыми «сменами караула» в Белом доме и переходами контроля над палатами Конгресса от одной партии к другой.

Последствия поляризации для функционирования политической системы неоднозначны. С одной стороны, обострение межпартийной борьбы, усиление альтернативного начала в двухпартийной системе, идеологизация партий и их общее укрепление вполне позитивны и даже полезны для политического здоровья страны. Американские политологи старшего поколения, неудовлетворенные прагматическим и деидеологизированным характером своих партий, давно мечтали о более ответственной и идейно содержательной двухпартийной системе в европейском духе и предлагали конкретные реформы в этом направлении³⁵. Теперь же их преемники тоскуют по былым временам Tweedledee и Tweedledum и предлагают способы борьбы с поляризацией³⁶. Это не удивительно, поскольку она действительно имеет и явно негативные последствия.

Во-первых, поляризация затрудняет решение крупных национальных проблем. Реформа пенсионного обеспечения, создание системы национального медицинского страхования, реорганизация вышедших из под контроля крупных социальных программ (прежде всего – «Медикэр») связаны с очень серьезными и тяжелыми решениями, требующими широкой общественной поддержки, особенно в условиях крайне инерционной и весьма децентрализованной политической системы США с ее «сдержками и противовесами». Эти проблемы не поддаются решениям с одного политического фланга, как показали провалы клинтоновской реформы медицинского страхования, с одной стороны, и реформы пенсионной системы при Дж. Буше-мл. – с другой. В условиях поляризации затрудняется и процесс одобрения политических назначений сенатом, также требующий двухпартийной поддержки. Подсчеты, в частности, показывают, что уровень утверждения кандидатов на должности федеральных судей за последние двадцать лет снизился почти вдвое – до 40–45%. Подобная политизация этих назначений, по мнению специалистов, ущемляет независимость судебной власти³⁷.

Двухпартийная поддержка требуется и для проведения последовательной и эффективной внешней политики. Это особенно необходимо в условиях исчезновения «стратегического компаса» времен холодной войны и отсутствия новой общепризнанной внешнеполитической стратегии на смену стратегии «сдерживания». Между тем, как мы видели, межпартийные разногласия в этой сфере достигли беспрецедентного уровня и пока не обнаруживают признаков ослабления.

Во-вторых, поляризация сужает социальную опору государственной политики. Партии становятся заложниками своих наиболее организованных и идеологизированных групп давления и, оказавшись у власти, продвигают их повестку дня – зачастую вопреки мнению большинства населения страны. Примерами могут служить упорное стремление республиканцев к импичменту Клинтона в 1998 году, жесткая линия Дж. Буша-мл. в Ираке, его сопротивление исследованиям с использованием стволовых клеток. «Однопартийное президентство» проявляет повышенную склонность к идеологизированным решениям, пренебрегая не только независимой экспертизой, но и ведомственным профессионализмом. Так было во время подготовки войны в Ираке, которая велась группировкой «неоконсерваторов» вопреки опасениям Госдепартамента, ЦРУ и Пентагона³⁸. Подобная политика вызывает отчуждение «несогласного большинства»,

подрывает доверие к власти и политическим институтам в целом.

В-третьих, поляризация обладает способностью к самовоспроизведению, изменяя характер предвыборной борьбы. В условиях рутинной политики главная борьба идет за одну и ту же «нейтральную территорию» – голоса независимых и колеблющихся избирателей, составляющих политический центр страны, что неизбежно сближает позиции соперничающих партий и укрепляет консенсусное начало двухпартийной системы. В поляризованной политике эта «нейтральная территория» сокращается, а инициатива переходит к «крайне-фланговым», тяготеющим к стратегии поляризации, которая рассчитана не столько на переманивание центристов, сколько на максимальную мобилизацию собственных сторонников с целью повышения их явки на выборах. Содержательной стороной такой стратегии активизации «своих» являются узкопартийные разъединяющие лозунги, ориентированные на крайние идеологические позиции партийных активистов. Такую стратегию успешно применяли республиканцы на выборах 2002 и 2004 гг., в которых, как показывают исследования электората, прирост явки шел в основном за счет консервативно настроенных слоев. Свои сторонники стратегии поляризации есть и у демократов; это представители их левого фланга, которые считают, что «пул не голосующих» расположен в основном слева от центра и может быть активирован с помощью лево-популистских лозунгов²⁹.

Но в целом стратегия поляризации для демократов более рискованна, чем для республиканцев, поскольку в идеологическом спектре страны консерваторы преобладают над либералами в соотношении примерно три к двум. Поэтому в предвыборных расчетах либеральных демократов – Х. Клинтон и Б. Обамы – на выборах 2008 г. главная ставка делалась на завоевании хотя бы части умеренных и независимых избирателей, голоса которых служат своего рода решающим довеском в условиях поляризованного электората.

Избирательная кампания Обамы стала смелой попыткой сблизить «красную» и «синюю» Америку, разорвать порочный круг поляризации за счет акцентирования объединяющих страну ценностей и тем – поиска «нового политического согласия», который красной нитью проходил через выступления кандидата демократов. «...Подавляющее большинство американцев – республиканцев, демократов и независимых, – писал Обама в своей программной книге, – устало от той мертвой зоны, в которую превратилась политика, где корыстные интересы борются за влияние, а

идеологические меньшинства стремятся навязать свои версии абсолютной истины... Как никогда раньше, нам нужен новый вид политики, который строится на общих представлениях, связующих нас как американцев»²⁰. Убедительная победа Обамы, казалось, свидетельствовала об успешности этой попытки и открывала возможность создания новой коалиции большинства вокруг Демократической партии. По крайней мере, на это еще год назад надеялись многие либералы, считая, что финансово-экономический кризис будет работать на усиление роли государства, социальную повестку дня, сокращение военных расходов – т.е. на рост либеральных настроений²¹. Оправдываются ли эти надежды?

Поляризация и «эффект Обамы»

Прежде всего, внимательный анализ итогов выборов 2008 года показывает не столько их отличие, сколько преемственность с поляризованной политикой предыдущих лет. Хотя общее соотношение сил между двумя ведущими партиями изменилось в пользу демократов (в основном за счет притока к ним большей части независимых и умеренных избирателей, а также некоторого сокращения доли приверженцев республиканцев), основные тенденции партийно-политического размежевания электората остались без серьезных изменений. Опорные электоральные группы обеих партий сохранили свою стойкую партийную лояльность, а по некоторым (прежде всего – расовым) линиям размежевание электората даже усилилось по сравнению с предыдущими выборами²². Высокой остается и корреляция партийной приверженности и политической идеологии – электоральные коалиции обеих партий по-прежнему разделяют серьезные идейно-политические разногласия: так, например, различия в оценке роли государства в экономике между демократами и республиканцами достигают 34–35 пунктов²³. Партийная последовательность при голосовании на выборах президента и членов конгресса в 2008 г. даже увеличилась, достигнув (в случае сената) 80% – рекордного показателя за последние 50 лет²⁴. Таким образом, итоги выборов свидетельствовали не о преодолении поляризации, а лишь о некотором усилении ее демократического «полюса».

Став президентом, Обама продолжил курс на взаимодействие с «красной» Америкой, преодолевая сопротивление своего левого фланга. Назначения республиканцев и умеренных деятелей на ключевые посты силового и экономического блоков, взвешенный прагматический характер антикризисной программы администрации, подчеркнута надпартийная стилистика Белого

Научные школы МГИМО

дома – все это укладывалось в общее русло стратегии национального единства в борьбе с финансово-экономическим кризисом, напоминая линию президента Ф. Рузвельта в начале «нового курса»²⁵. Тем не менее, все попытки администрации заручиться поддержкой республиканцев в Конгрессе натолкнулись на их ожесточенное сопротивление, граничащее с обструкцией. В ключевом голосовании по антикризисной программе администрации лишь трое сенаторов-республиканцев присоединились к демократам, а в Палате представителей Белый дом не получил ни единого республиканского голоса. Не менее напряженной выглядит перспектива голосования по другому важнейшему законопроекту президента – о реформе системы медицинского страхования, которая стала предметом партийно-политического размежевания. Опросы показывают, что две трети демократов поддерживают эту реформу, тогда как четыре пятых республиканцев выступают против нее²⁶.

Это не удивительно, ибо политические ставки в этой борьбе для обеих сторон крайне высоки: успех демократов в решении этой важнейшей социальной проблемы сулит надолго укрепить их репутацию защитников среднего класса и усилить его привязку к социальному государству, чего республиканцы всеми силами стремятся не допустить. Не меньше их тревожит и перспектива перерастания конъюнктурных пожарных мер государственного вмешательства в долгосрочный политический курс при серьезном изменении всего политического ландшафта страны – перегруппировки партийно-политических сил в пользу либералов.

Отсутствие быстрого прогресса в выходе из кризиса, а также в решении мучительных внешнеполитических проблем (Афганистан, Ирак) на фоне

явно завышенных первоначальных ожиданий от правления Обамы ведут к снижению его популярности и ослаблению позиций Демократической партии. Позитивный рейтинг ее способности справиться с экономическими проблемами, превышавший в начале 2009 г. рейтинг республиканцев более чем в полтора раза, к весне 2010 практически сравнялся с последним. Главным источником этой негативной динамики стала утечка умеренных и независимых избирателей, голоса которых принесли победу демократам на выборах 2008 года²⁷. Сохранение этих тенденций предвещает ослабление позиций демократов в Конгрессе на предстоящих промежуточных выборах 2010 года, что к тому же будет вполне соответствовать многолетней традиции американской партийно-политической жизни. Короче говоря, вместо новой серьезной перегруппировки электората в пользу демократов, на которую с помощью кризиса так рассчитывали либералы, происходит возвращение к примерному равновесию сил между «красной» и «синей» Америкой. Сохранение же поляризованного политического ландшафта в стране будет иметь серьезные последствия для внутренней и внешней политики США.

Vladimir O. Pechatnov. Polarized America

The article is focused on political polarization as a constant feature of contemporary American politics. Using recent survey research data and electoral statistics, the author provides an analysis of polarization manifestations, its origins and implications for policy and political system. The final conclusion is that polarization trends are likely to continue despite President Barack Obama's attempts at national reconciliation.

Ключевые слова

поляризация, Демократическая партия, Республиканская партия, «Красная» и «Синяя» Америка, партийная перегруппировка, выборы

Keywords

polarization, Democratic Party, Republican Party, Red and Blue America, partisanship, elections, party realignment

1. Red and Blue Nation? P. Nivola and D. Brady, editors. Vol. 1—2. Brookings Institution Press: Washington, 2006, 2008. Из других серьезных исследований этой проблемы назовем следующие работы: *Black E. and Black M. Divided America. The Ferocious Power Struggle in American Politics.* N.Y., 2007; *Edsall T. Building Red America. The New Conservative Coalition and the Drive for Permanent Power.* N.Y., 2006; *Greenberg S. The Two Americas. Our Current Political Deadlock and How to Break It.* N.Y., 2004; Fiorina M., Abrams S., and Pope J. *Culture Wars? The Myth of Polarized America.* N.Y., 2004.
2. «Война в Ираке, – констатирует Р. Скиннер, – расколола американскую общественность по партийному признаку в большей степени, чем любой предыдущий конфликт за всю историю опросов общественного мнения» (*Skinner R. George W. Bush and the Partisan Presidency // Political Science Quarterly, Vol. 123. № 4 (2008—2009). P. 609.*
3. *Beinart P. When Politics No Longer Stops at the Water's Edge: Partisan Polarization and Foreign Policy // "Red and Blue Nation?" Vol. 2, P. 161.*
4. *Jacobson G. Youse and Senate Divided: The Clinton Legacy and the Congressional Election of 2000 // Political Science Quarterly, Vol. 116.*

- № 1 (2001). P. 18.
5. См.: Caraley D. Three Trends Over Eight Presidential Elections, 1980—2008: Toward the Emergence of a Democratic Majority Realignment? // *Political Science Quarterly*. Vol. 124. № 3 (2009). P. 428—429.
 6. Jacobson G. The 2008 Presidential and Congressional Elections: Anti-Bush Referendum and Prospects for the Democratic Majority // *Political Science Quarterly*. Vol. 124. № 1 (2009). P. 9.
 7. Печатнов В.О. Некоторые новые тенденции в функционировании двухпартийной системы США в 70-х—начале 80-х годов / Проблемы американистики. М., 1983. Вып. 2. С. 76—100.
 8. Dionne E. *Why Americans Hate Politics*. N.Y., 1991.
 9. Fleisher R. and Bond J. Evidence of Increasing Polarization Among Ordinary Citizens / J. Cohen, R. Fleisher and P. Cantor, eds. *American Political Parties: Decline or Resurgence?* Washington, 2001.
 10. Подробнее о «второй Реконструкции» см.: Lawson S. *In Pursuit of Power: Southern Blacks and Electoral Politics, 1965—1982*. N.Y., 1985.
 11. Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008. Гл. IV, параграф 1.; Jacobson G. *A Divider, Not a Unifier: George W. Bush and the American People*. N.Y., 2007.
 12. Jacobson G. *A Divider, Not a Unifier: George W. Bush and the American People*. N.Y., 2007.
 13. Blumenthal S. *The Rise of Counter-Establishment: The Conservative Ascent to Political Power*. 2nd edition. N.Y., 2005.
 14. Edsall T. *Building the Red America*, P. 5—7.
 15. *Toward A More Responsible Two-Party System* // *American Political Science Review* 44 (1950).
 16. Nivola P. and Galston W. *Toward Depolarization* // *Red and Blue Nation ?* Vol. 1.
 17. Binder S. *Consequences for the Courts: Polarized Politics and the Judicial Branch* // *Op. cit.* Vol. 2. P. 107—109.
 18. Skinner R. *George W. Bush and the Partisan Presidency*. P. 616.
 19. Borosage R., Grenberg S. *Progressive Mandate* // *American Prospect*, April 23, 2001.
 20. Obama B. *The Audacity of Hope. Thoughts on Reclaiming the American Dream*. N.Y., 2006. P. 9.
 21. Krugman P. *The Conscience of a Liberal*. N.Y., 2009. P. 9; Kuttner R. *Obama's Challenge. America's Economic Crisis and the Power of a Transformative Presidency*. Vermont, 2008, P. 2; Halpin J., Agne K. *State of American Political Ideology, 2009. A National Study of Values and Beliefs* // [Электронный ресурс]. URL: www.americanprogress.org/issues/2009/03/political_ideology.html/print.html
 22. [Электронный ресурс]. URL: www.pewresearch.org/pubs/1023/exit-polls-analysis-2008
 23. [Электронный ресурс]. URL: www.pewresearch.org/pubs/1489/survey-midterm-elections-challenges-for-both-parties
 24. Nelson M., ed. *The Elections of 2008*. Washington, 2009, P. 115—116.
 25. Rogov С.М. Перспективы политики администрации Обамы // *США&Канада: экономика-политика-культура*, 2009. № 3. С. 4.
 26. [Электронный ресурс]. URL: www.pewresearch.org/pubs/1489/survey-midterm-elections-challenges-for-both-parties
 27. Ibidem.